

Peculiarities of the relationships between the USSR and the USA in July – October 1942

P. A. Tupikin¹

¹Lomonosov Moscow state University, 27 building 4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-520-525

Research article
Full text in Russian

The article examines the relationship between Washington and Moscow in the second half of 1942. It was at this time that the Western allies decided that it was impossible to open a second front in Europe, as Joseph Stalin insisted, and chose the Mediterranean version of the military-political strategy. The author's key task is to study the mechanisms that the Soviet leadership used to keep the United States in line with the strategy they proposed, to study the key contradictions that arose during this period in the relationship between the two key partners and ways to resolve them.

Keywords: Soviet-American relations; second front; Lend-Lease; allies; Big Three

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tupikin, Pavel A. | E-mail: tupikin.p@yandex.ru
| Cand. Sc. degree seeking applicant

Особенности взаимоотношений СССР и США в июле – октябре 1942 г.

П. А. Тупикин¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, 119234, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-520-525
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются взаимоотношения Вашингтона и Москвы во второй половине 1942 г. Именно в это время западные союзники приняли решение о невозможности открыть второй фронт в Европе, на чем настаивал И. Сталин, выбрали средиземноморский вариант военно-политической стратегии. Ключевой задачей автора является исследование механизмов, которые использовало советское руководство, чтобы удерживать США в русле предлагаемой ими стратегии, изучение ключевых противоречий, сложившихся в данный период во взаимоотношениях двух ключевых партнеров, и способов их разрешения.

Ключевые слова: советско-американские отношения; второй фронт; ленд-лиз; союзники; Большая тройка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тупикин, Павел Александрович | E-mail: tupikin.p@yandex.ru
Соискатель

Летом – осенью 1942 г. альянсу СССР и США пришлось пройти серьезную проверку на прочность. Несмотря на то что данный период советско-американских отношений можно назвать одним из наиболее сложных и противоречивых, он недостаточно исследован на фоне столь крупных событий, как Тегеранская конференция и выработка Большой тройкой послевоенного миропорядка. Однако имеющиеся в доступе источники показывают, что именно в это время усиливаются противоречия между союзниками, начинает нарастать недоверие советского руководства к США.

После возвращения В. М. Молотова из Вашингтона, где он находился с целью урегулирования вопроса о поставках в СССР и об открытии второго фронта, казалось, что взаимопонимание между союзниками най-

дено, что удалось разрешить ряд противоречий: договориться об открытии второго фронта в Европе, обсудить вопросы поставок необходимого СССР вооружения. В качестве демонстрации развития отношений в США приглашается советская делегация для выступления в американских колледжах перед группами, собранными организацией студенческой взаимопомощи [1, л. 39]. Однако уже ближайшие события показали, что Москва и Вашингтон по-разному видят складывающуюся военно-политическую ситуацию. В ходе визита Г. Гопкинса и Дж. Маршалла в Лондон уже в июле 1942 г. американская сторона приняла возражения британцев и согласилась на вторжение в Северную Африку [2, с. 333].

Тревожные новости поступали и от советских дипломатов. Вице-консул СССР в Лос-Анжелесе указывал, что военные круги относятся холодно к открытию второго фронта, пресса делает невнятные заявления, поддержки этой идее находится немного [3, л. 8–9]. Другой проблемой, проявившейся в данный период, стала приостановка конвоев, отправляющихся в СССР, что произошло после разгрома конвоя PQ-17. Ф. Рузвельт после длительных уговоров У. Черчилля вынужден был согласиться на данный шаг, хотя и настаивал на необходимости увеличения перевозок через Персию [4; 5, с. 261]. Разумеется, подобный демарш союзников вызвал гнев И. Сталина, который обвинил премьер-министра в необоснованном отказе от поставок, хотя именно советская сторона несла наиболее тяжелые потери [6, с. 54].

Такая реакция усугублялась донесениями советских дипломатов из Вашингтона. 14 августа 1942 г. советник полномочного представительства СССР в США А. А. Громько отправил руководителю НКВД В. М. Молотову донесение, где нарисовал неутешительную картину по интересующим Кремль вопросам. Он указал, что в США не наблюдается целеустремленности направить основную массу имеющихся ресурсов против Гитлера. Более того, среди командного состава армии США крепки антисоветские настроения. Именно военные, с точки зрения советских дипломатов, оказывали давление на президента, говоря о неподготовленности США к открытию второго фронта. Что касается производства вооружений, то за шесть месяцев 1942 года Соединенные Штаты произвели военного снаряжения в полтора раза больше, чем за весь 1941 год [7, л. 16–17]. Подобные донесения не укрепляли доверия Москвы к своим союзникам, лишь усиливали уверенность, что они пытаются решить собственные задачи, используя СССР в своих интересах. Тем не менее Сталин, судя по всему, продолжал воспринимать Рузвельта как наиболее значимого, ценного партнера: все недовольство вождь высказывал премьер-министру, «оберегая» главу Белого дома, пытаясь выстроить с ним конструктивный диалог.

Чтобы снять сложившуюся напряженность, в августе Черчилль и А. Гарриман (эmissар Рузвельта) отправились в Москву с целью сообщить вождю о стратегических планах партнеров по Большой тройке. В рамках трех встреч Сталина с союзниками вождь снова прибег к лицедейству, демонстрируя то теплое отношение и благодарность (первая и последняя встречи), то необычайно холодный прием на второй встрече, когда вождь обвинил союзников в срыве договоренностей об открытии второго фронта. А. Гарриман сделал вывод, что вождь боится оппозиции в Кремле и «комиссары в Политбюро обладают большей властью, чем полагают на Западе» [7, с. 152–158]. Страх перед борьбой в Кремле, возможность прихода к власти группы, нацеленной на сговор с Гитлером, пугали Вашингтон, поэтому вождь, зная об этом, пытался разыгрывать данную карту, создавая у Белого дома ощущение, что в советском руководстве идет «подковерная борьба» различных сил.

Еще одной картой, разыгранной вождем в данный период, стала поддержка советскими дипломатами обеспокоенности Вашингтона возможным поражением Красной армии под Сталинградом, опасения, что Гитлер может получить доступ к полезным ископаемым Кавказа. Посол СССР в США М. М. Литвинов во время общения с представителями союзников заявил, что Сталинград для СССР потерян, что Кавказ попадет под контроль Германии [8, л. 92]. Это было сказано на фоне заверений Сталиным Черчилля в том, что Сталинград будет удержан. Тот факт, что после того, как англичане сообщили в НКВД о подобной позиции Литвинова, последний сохранил свой пост, свидетельствует о тщательной срежиссированности Кремлем заявлений дипломата.

Еще сильнее кризис в советско-американских отношениях усугубила ситуация с самолетами «Аэрокобра», которым Москва давала крайне высокую оценку и которые Черчилль, с молчаливого согласия Белого дома, не отправил в СССР. Это вызвало вполне справедливый гнев вождя. Кризис был в результате улажен, но напряженность в отношениях Кремля с союзниками продолжала сохраняться. Параллельно с этими событиями Рузвельт решил отправить в Москву своего личного эmissара, лидера республиканцев У. Уилки. Последний стремился и к усилению собственного влияния, особенно накануне выборов в Конгресс. Этот факт в полной мере был оценен Москвой, которая использовала визит американского политика, его желание повысить свой политический рейтинг на фоне просоветских лозунгов, чтобы снова поднять дискуссию о необходимости открытия второго фронта и важности усиления помощи СССР.

Посланник Белого дома прибыл в СССР в конце сентября 1942 г. Он встретился с В. Молотовым, И. Сталиным, работниками НКВД, побывал на производстве, понаблюдав, как работают советские предприятия в условиях войны. Советское руководство обсудило с У. Уилки сложив-

шуюся военно-политическую ситуацию, всячески продемонстрировало, что советский народ ждет открытия второго фронта (записи бесед эмиссара США с работницами советских предприятий оставляют послекуские тщательно срежиссированной постановки «спонтанных вопросов», которые задавали советские граждане), отметило, что Вашингтон недобросовестно выполняет свои поставки по конвоям. В частности, Сталин указывал, что программа поставок реализована на 40–50 % на южном направлении и лишь на 15–20 % на северном, учитывая потери от потопления [9, л. 27]. В результате Уилки сделал позитивный вывод о готовности Кремля сопротивляться Германии до последнего. Он воспринял Сталина как «человека дела», который понимает, что ему требуется. Уилки пообещал, что поднимет и в периодической печати, и в правящих кругах вопрос об усилении помощи Москве.

В конце сентября – октябре взаимоотношения советского руководства с американским истеблишментом представляли собой своеобразные «качели», когда требования усилить помощь и исполнять все взятые на себя обязательства сочетались с позитивным диалогом по ряду экономических и стратегических вопросов. Сохранилась запись беседы Литвинова с заместителем министра финансов США Г. Уайтом, где последний дал крайне нелестную характеристику своим коллегам из госдепартамента. В частности, он указал, что среди ключевых работников ведомства нет более или менее прилично относящихся к СССР людей. Очень плохо, по мнению Уайта, к Кремлю относились руководитель европейского отдела Р. Аттертон и заместитель госсекретаря Лонг. Более того, заместитель министра выразил советскому послу сомнения в том, что второй фронт будет открыт в Европе в ближайшем будущем [10, л. 32–33]. Данная запись наглядно иллюстрирует, какие настроения передавались советским послом в Москву, а также уровень связей Литвинова, степень откровенности, с которой отдельные представители американского истеблишмента взаимодействовали с послом.

В октябре советские дипломаты фиксируют большую твердость Рузвельта относительно открытия второго фронта. Это происходило и по причине вовлеченности США в военную операцию в Северной Африке. Кроме того, президент «взят на буксир собственным военно-морским окружением», которое всеми возможными способами пыталось переключить внимание Рузвельта от европейского театра. На фоне выбранной стратегии Белого дома выгодно смотрелся вернувшийся в Штаты Уилки, который, набирая политические очки, в своих выступлениях поднимал вопрос о важности поддержки СССР. Как отмечает Литвинов, Рузвельт, раздражённый сложившейся ситуацией, «хотел бы максимизировать удовлетворение советских требований, компенсируя отсутствие второго фронта» [11, л. 14].

Таким образом, климат взаимоотношений двух держав в указанный период в целом можно расценивать как позитивный. Несмотря на разногласия, взаимное недоверие, опасения, что каждая сторона преследует в первую очередь собственные цели, Кремль и Белый дом понимали, что в условиях глобального конфликта являются стратегическими союзниками, поэтому сохраняли верность взятым на себя обязательствам. Причины непоследовательной политики Белого дома советское руководство (во многом благодаря донесениям работников посольства) видело в давлении со стороны правящих кругов на президента США, поэтому стремилось найти сторонников в американском истеблишменте, окружении Рузвельта, а также использовало общественное мнение и оппозицию как рычаг давления на президента. Еще одним механизмом воздействия на Белый дом стали политические манипуляции Кремля, к которым можно отнести миф о политической оппозиции в советском руководстве, подкрепляемый вождем, заявления о возможной потере Красной армией стратегически важных районов. Вместе с тем обе стороны понимали необходимость укрепления взаимоотношений, в том числе и через развитие личной дипломатии на уровне лидеров двух держав.

Ссылки

1. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4, п. 22. Д. 230. Л. 39–40.
2. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. 564 с.
3. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п. 143. Д. 6. Л. 7–10.
4. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др. М.: Терра, 1995. 798 с.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1958. Т.1. 296 с.
6. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п., 143. Д. 6. Л. 16–17.
7. Harriman A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y.: Random House, 1975. 595 p.
8. АВП РФ. Ф. 0192. Оп. 26. Лит. АВТО, п. 236. Д. 3. Л. 92–93.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 380. Л. 27–31.
10. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26, п. 143. Д. 2. Л. 32–33.
11. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4, п. 22. Д. 232. Л. 12–14.